

В.А. ТЕЛКОВА

Елец

Тема сочинения и проблема ее выбора учащимися

(Из опыта дореволюционных гимназий)*

В статье предлагается обзор мнений учащихся гимназий о темах выпускных сочинений, что позволяет выявить факторы, определяющие их выбор. Анализ ведется на основе анкетирования учеников, проведенного в 1912 году С.С. Ларионовым, окружным инспектором Кавказского учебного округа.

Ключевые слова: *сочинение; тема сочинения; дореволюционная школа.*

Сочинение уже более 200 лет является универсальной комплексной формой проверки уровня обученности учащихся. Вместе с тем сочинение — это и своеобразная форма самовыражения учащихся, возможность поделиться своими впечатлениями, переживаниями. Оно приобщает их к литературному творчеству, искусству слова, что благотворно сказывается на развитии личности, обогащает ее духовный мир, делает восприятие жизни полнее, глубже, красочнее.

Однако данный вид творческой работы далеко не всегда приносит внутреннее удовлетворение как ученикам, так и их преподавателям. Неудачно сформулированная тема, далекая от непосредственных интересов современных подростков, не позволяет им в полной мере проявить себя, раскрыть свои интеллектуальные и духовные возможности. В результате работы получают скучными, безликими, написанными по шаблону с большим количеством клише. По мнению известного педагога-словесника Л.С. Айзермана, «настоящие школьные сочинения о литературе или о самой жизни — это сочинения, которые открывают

ученику глубже и шире мир литературы и вместе с тем ведут к более полному пониманию самой жизни, самого себя, а не пересказывание заранее подготовленного и выученного» [Айзерман 2014]. Многим школьникам, к сожалению, сегодня незнакомы те «муки слова», которые неизбежны в процессе самостоятельных научных и художественных исканий. Для них «муки слова» связаны с чем-то внутренне чуждым, сложным, далеким от их истинных запросов.

А между тем всякий словесник знает, что значит удачно и верно предложенная тема. Такие работы наполнены личностным началом, духом размышления, стремлением удивить мир своим взглядом на ту или иную проблему. Индивидуальность учащихся чувствуется в них во всем своем пробуждающемся своеобразии. «Юность любит свои рождающимися силами и не любит ходить на помочах, — писал когда-то К.Д. Ушинский, — нужно уметь ценить ее право на духовную активность» [Ушинский 1908: 131].

В этих условиях любопытно было бы узнать у самих учащихся, как они смотрят на свою работу, чего хотят от своих учителей, какие темы признают более соответствующими их интересам и запросам. Странно, но в наш век регулярных опросов по любому поводу, многочисленных анкет и тестов никто не задался такой целью.

Тем временем в дореволюционной школе предпринимались попытки такого опроса школьников. На одной из них мы и хотим

* Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Телкова Валентина Алексеевна, кандидат филол. наук, доцент Елецкого гос. университета им. И.А. Бунина.

E-Mail: telkova.2014@bk.ru

остановиться. Особенность ее заключалась в том, что она была осуществлена в довольно большом количестве учебных заведений — в 21 гимназии Кавказского учебного округа.

Инициатива этого педагогического опыта принадлежала инспектору указанного округа С.С. Ларионову. Мысль обратиться к учащимся выпускного класса с вопросами об их творческих работах по литературе появилась у него под влиянием трудов франкфуртского педагога Георга Эвальда, который считал подобные периодические опросы весьма целесообразными [Ларионов 1912: 3]. Соглашаясь с мнением авторитетного ученого, С.С. Ларионов признавался:

У меня уже давно являлось желание путем опроса учеников проверить правильность тех выводов и указаний, которые мне в течение многих лет приходилось делать при рецензировании работ, исполненных абитуриентами гимназий на окончательных испытаниях; мне хотелось, если можно так выразиться, спуститься с высот абстрактной методики до живого ученика, посмотреть на основные вопросы методики сочинения и разного рода методические приемы с точки зрения ученика; хотелось уловить в его свободных и вполне откровенных ответах то, что так или иначе могло бы подтвердить или поколебать установившиеся взгляды в области ведения письменных работ... [Там же: 4].

С этой целью всем воспитанникам гимназий Кавказского учебного округа, окончившим курс весной 1912 г., было предложено свободно и анонимно высказаться по нескольким вопросам¹, один из которых звучал так: «Какую из предложенных в текущем году тем для русских сочинений вы исполняли с большим удовольствием и интересом?».

Учащиеся охотно откликнулись на подобную анкету и, судя по их ответам, превращавшимся зачастую в подробно мотивированные заключения, непринужденно выраженные, писали искренно и откровенно. Получилось всего 525 ответов, из которых 504 — анонимные, поэтому каждый из них имеет свой номер. Особого внимания

¹ С ответами абитуриентов гимназий на другой вопрос анкеты можно ознакомиться в публикации выдержки из статьи С.С. Ларионова, напечатанной в журнале «Родной язык в школе» (1914. — № 1), см.: Домашние и классные сочинения в оценке учащихся средней школы // Русский язык в школе и дома. — 2009. — № 6. — С. 28.

заслуживает тот факт, что С.С. Ларионов не ограничился лишь простым подсчетом полученных мнений, а решил напечатать ответы абитуриентов. К сожалению, некоторые из них приведены не полностью, хотя С.С. Ларионов и утверждал, что «устранены лишь общие места, ничего не говорящие фразы», «все же оригинальное, все, что может так или иначе послужить к характеристике абитуриента», — все это сохранено им в полной неприкосновенности [Там же: 7]. Было бы, конечно, интересно, на наш взгляд, познакомиться с суждениями учащихся целиком, без всяких сокращений, поскольку известно, что именно эти «общие места» иногда позволяли выявлять просчеты во всем процессе обучения.

В полученных ответах общая оценка школьной системы отсутствует, в основном учащиеся проявляют недовольство формальными темами сочинений.

Из общего количества выпускников 27 ответили, что «из тем, предложенных в течение года, ни одна не вызвала особого интереса». Вот один из наиболее аргументированных ответов:

Я одинаково неблагосклонно отношусь и к литературным и к отвлеченным темам, так как не имею возможности в ответах на них так, как мне хочется осветить и разработать вопрос, и это мое бессилие охлаждает меня... Тему я понимаю, т.е. знаю, о чем и что писать; мысли о предмете темы у меня правильные, но... я никак не могу согласовать изложение моих мыслей с шаблонной формой наших тем. Мне не хочется откинуть ни одну из моих правильных и отвечающих действительности мыслей, а все их я не могу вложить в узкие рамки наших ученических сочинений... Я бьюсь, бьюсь со своей темой, а потом бросаю все и отвечаю шаблонно, общими местами, избитыми книжными фразами и доказываю часто положения, которые в душе не разделяю, но которые легко укладываются в границы нашего вступления, изложения и заключения, а мои мысли так и остаются при мне (№ 182) [Там же: 8].

Другой юноша также отмечает: «все темы мне не нравились». И мотивирует это так. Предложенная тема «Значение искусства в общественной жизни» была оценена преподавателем неудовлетворительным баллом. Ученик не протестует против отзыва преподавателя, находя, что последний правильно оценил его «познания в области искусства». Но при этом с недоумением замечает:

И откуда у меня могло быть лучшее знание об искусстве? Обстановка, окружающая

жизнь, не дает нам в этом отношении ничего. Окружающая среда не поклонница искусства. Мы воспитываемся в обстановке, где совсем нет произведений искусства, и потому в нас нет ни опыта, ни непосредственного чувства. Правда, другие товарищи, находящиеся в одинаковых со мной условиях, писали, но это были или слова, слова, слова..., или «сдирание» с пособий... (№ 275) [Ларионов 1912: 11].

Школа не смогла вызвать соответственного *интереса* к рассматриваемым вопросам, не создала нужного *настроения*, а потому — читаем в ответе № 304 — «с уверенностью могу сказать, что как мною, так и большинством мыслящих абитуриентов *большинство* тем рассматривалось без удовольствия, механически, из необходимости» [Там же: 14].

Примечательно, что некоторые из учащихся иронически отмечали, что самой интересной работой явились для них эти ответы, так как они впервые имели возможность «говорить вполне откровенно, свободно, не озираясь по сторонам» (№ 288) [Там же: 12].

Наименьшим успехом пользовались среди учащихся темы, *связанные с анализом литературных произведений*, когда приходилось много читать и формулировать *чужие* взгляды:

Я совершенно не понимаю, почему из нас, гимназистов, готовят только критиков. Почему должны мы вечно возиться с разбором чужих произведений, а не пробуем *своих* сил? (№ 294) [Там же: 12]; При принудительном у нас чтении критиков, всякая работа являлась лишь пересказом их взглядов, а не моих (№ 288) [Там же: 12]; Большею частью я исполнял работы только для того, чтобы избежать выговора преподавателя и не получить единицы, этого верного стража аккуратности учеников. Разумеется, такие работы были сплошь наполнены мыслями «авторитетов» и своего в них было только то, что списываешь с пособий не дословно, а делаешь маленький пересказик... Иногда формулировка темы заключала мои мысли в такие узкие рамки, что не было возможности вложить что-нибудь свое (№ 265) [Там же: 11].

Анкетируемые гимназисты выражали свое отношение к формулировкам предлагаемых тем сочинений:

Не было захватывающих, интересных тем. «Запорожская Сечь в обрисовке Гоголя», «Отношение чиновников к службе по «Ревизору». «Хлестаков и Ноздрев» et cetera et cetera; это все очень избитые и не подходящие для VIII класса темы, которыми увлечься трудно (№ 8); Все они

какие-то несерьезные; например: «Тарас Бульба, как отец и казак», «Благодетельное влияние Лизы на Лаврецкого» и т. п. (№ 20) [Там же: 14].

Темам с подобными «шаблонными формами» учащиеся предпочитали темы *отвлеченного* содержания (сегодня их называют свободными). В их пользу высказалась большая часть гимназистов (293 выпускника). Приходится лишь удивляться, с каким удовольствием и активностью подростки откликались на вопросы общественного, морального, психологического характера. Здесь они сразу же чувствовали простор для своей пробуждающейся мысли, попадали в свою стихию.

Среди причин, вызывающих интерес к отвлеченным темам, гимназисты называли следующие.

Они не требуют специальной подготовки и их выполнение лучше всего выражает развитие и образ мышления ученика (№ 17) [Там же: 13]; «В ответах на них я мог высказать *свои*, а не книжные мысли. Кроме того, я располагал неограниченным материалом, надо было лишь сделать свободный выбор литературных примеров для иллюстрации известных положений. Я имел возможность выбирать не избитые и потрепанные в гимназической жизни литературные примеры, а те, которые *мне* нравились» (№ 151) [Там же: 10]; В сочинениях на эти темы можно было обнаружить свою начитанность, свое развитие» (№ 185) [Там же: 13]; Привлекало меня к ним и разнообразие материала, которым можно было воспользоваться. В них «можно выразить свое мирозерцание и свободно располагать тем научным материалом, который имеется в запасе» (№ 162) [Там же: 10]; Они представляли собою нечто новое (№ 163) [Там же: 13].

Эта новизна в самой обработке свободно найденного материала, эта возможность в таких темах «давать ответы, особенно не связанные ни с чьим мнением», — делает их более всего заманчивыми для учащихся.

При чтении ответов юношей чувствуется их искреннее стремление к разрешению насущных жизненных проблем и формированию *своего* мировоззрения. В этой связи заслуживает внимания следующее мнение выпускника:

Стремление к самоопределению, к разрешению «проклятых вопросов», которые всегда волновали и будут волновать людей и особенно юношество, желание построить свою жизнь согласно своим идеалам и самое строительство идеалов представляются вопросами настолько животрепещущими и захватывающими, что всякая тема, разработка которой могла бы

обогатить познание и тем предостеречь от ошибок — всякая такая тема желательна и интересна (№ 459) [Ларионов 1912: 13].

В данном ответе подкупает зрелость мышления выпускника, его нравственные предпочтения и ценностные ориентации.

Из тем отвлеченного характера предпочтение, что неудивительно, было отдано таким, которые могли помочь гимназистам определиться с их жизненным призванием, раскрыть свое внутреннее «я», его сокровенные запросы и требования. Среди подобных тем были отмечены следующие: «Какой деятельности хотел бы я посвятить себя и почему?», «Какую роль должно играть в жизни человека стремление к личному счастью?», «Влияние художественных произведений на умственное и нравственное развитие человека», «Жизнь скучна, когда боренья нет», «Влияние неудач на характер человека», «Человек рожден для деятельности, бездеятельность же — преждевременная смерть», «Влияние страсти на душу человека», «Мечты о светлом будущем в родной литературе».

Интересно, что последняя из них оказалась особенно близка и понятна ученикам, о чем свидетельствуют их эмоционально-яркие ответы.

С какой радостью мы приняли эту работу! Сразу в моей голове создался план, по которому я должен был писать. Сел писать... не успевал заносить свои мысли на бумагу. В работе не оказалось ни одного места, где бы был след чужих мыслей. *Мечта о светлом будущем* поглотила меня всего (№ 265) [Там же: 11]. «Мечта о светлом будущем». Мне хотелось бы исполнять такие темы, где бы играла и пела жизнь (№ 266) [Там же: 13]. С особым удовольствием исполнял эту тему, так как на заре самостоятельной жизни нахожусь в чаду мечтаний о своем будущем (№ 267) [Там же].

О других темах (о стремлении к личному счастью) гимназисты писали, что они нравились, так как «совпали с периодом выяснения моего “я” и его отношения к окружающему», почему и были исполнены «без обычного желания “отделаться”», сопровождавшего остальные работы (№ 42) [Там же]. Они дали мне хорошее знакомство с материалом, способствовали мне «в познании самого себя» и не стесняли свободы моих суждений (№ 54) [Там же: 15].

Нельзя не обратить внимания на то, что некоторые выпускники гимназий высказались за так называемые полувотвлеченные темы сочинений. Здесь, вероятно, речь идет

о том, чтобы содержанием для них были литературные произведения или конкретные явления жизни. Формулировка тем должна быть такой, чтобы их смысл можно было проверить доступным учащемуся житейским опытом или подкрепить, опираясь на литературный материал. В этой связи показателен ответ одного юноши, который интересовался именно отвлеченными темами: «Затрудняли меня, однако, те из них, для развития которых у меня не было достаточной опоры в фактическом материале; напр., “Дым отечества нам сладок и приятен”» (№ 156). Учащиеся охотно откликались на вопросы, в которых требовалось «знание обширного материала» (№ 173, 158, 161, 168 и др.) и, наоборот, тяготились темами узкими, формально-литературными, слишком уже отзывающимися учебником, книгой, каковы, напр.: «Содержание “Евгения Онегина”», «Характеристика Максима Максимыча», «Хлестаков и Ноздрев», «Взгляд Лермонтова на общество по стихотворению “Душа”» и пр.

На основании ответов выпускников С.С. Ларионов сформулировал следующие требования к темам сочинений:

«1. Тема не должна носить узко-курсового характера.

2. Тема должна давать учащимся возможность проявить свое общее развитие, высказать свои индивидуальные взгляды.

3. Тема должна, по возможности, действовать не только на ум, но и на сердце учащегося.

4. Темы чисто отвлеченные, не основанные на определенном фактическом материале, могут быть предлагаемы лишь с величайшей осторожностью или даже совсем не должны быть предлагаемы.

5. Лучшим видом работ являются сочинения, основанные на вполне определенном фактическом материале» [Там же: 19].

Полагаем, что такие требования могут быть предъявлены и к сегодняшним темам сочинений.

Более ста лет отделяют нас от того времени, когда С.С. Ларионов рассказал о проведенном им масштабном опросе выпускников гимназий по поводу сочинений. Однако создается впечатление, что проблемы, выявленные тогда, не исчезли, они по-прежнему актуальны. Следовательно, нам необходимо в полном объеме осмыслить опыт дореволюционной России, чтобы «решить, с чем надо распрощаться навсегда и что сохранить надолго» [Айзерман: 2014].

ЛИТЕРАТУРА

Айзерман Л.С. Сочинение о сочинениях // Учительская газета. — 2014. — № 37

Ушинский К.Д. Письма о воспитании Наследника Русского престола // Материалы для

педагогической антропологии и материалы для биографии. — СПб., 1908.

Ларионов С.С. Некоторые вопросы методики сочинения, с точки зрения абитуриентов гимназий кавказского учебного округа (на основании данных опроса). — Тифлис, 1912.

ХРОНИКА

«Наследие святых Кирилла и Мефодия: опыт современного прочтения»

С 2006 г. в Крымском государственном медицинском университете (ныне – Медицинская академия им. С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского») кафедрой русского языка международного факультета ежегодно проводится международная научно-практическая конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения: Язык как инструмент познания и зеркало эпохи». Проблематику чтений определяют многие актуальные для современной филологии направления: семантика и функции единиц современного русского языка; эвристическая лингвистика; теолингвистика; церковнославянская традиция в русском языке и культуре; актуальные проблемы изучения текста; современный литературный процесс; проблемы славянских литератур в начале XXI в.; теоретическая лингвистика в проекции на преподавание русского языка в иноязычной аудитории; вопросы преподавания языковых дисциплин в вузе и др.

Кирилло-Мефодиевские чтения регулярно становились площадкой не только для филологов, но и для философов, историков. В частности, затрагивались такие вопросы, как: трансграничность в культуре и социуме, алармистский характер текстов современной цивилизации и языковая политика в многонациональном государстве.

22–26 мая 2017 г. в Симферополе состоялись очередные Таврические Кирилло-Мефодиевские чтения (с международным участием) на двух площадках: Медицинской академии им. С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» и Таврической духовной семинарии.

Конференция собрала около 110 участников – очных и заочных, среди которых, кроме представителей светских и духовных высших учебных заведений Крыма, были гости из других городов РФ, Австрии, а также представители СМИ. На пленарном заседании прозвучали выступления, в которых явления славянской письменности осмыслились в контексте византийских традиций и современности. В центре внимания докладчиков стало изучение наследия Кирилла и Мефодия в русской православной церкви и в русской национальной культуре.

Проблематика конференции нашла более конкретное освещение в работе секций: «Церковнославянский язык в пространстве современного русского языка и в современной церковной жизни», «Русская литература в религиозно-философском контексте», «Византизм и славянство: современный философско-исторический дискурс», «Православная духовность и церковность в русской культуре».

26 мая 2017 г. в Таврической духовной семинарии состоялось обсуждение конференции и подведение ее итогов. По итогам конференции подготовлен сборник докладов. Было признано перспективным дальнейшее проведение Таврических Кирилло-Мефодиевских чтений.

А.А. ХОВАЛКИНА, Ю.А. ГЕРАСИМЕНКО
(Симферополь)